

ПО ПОВОДУ ОДНОЙ РЕЦЕНЗИИ *

В конце 1975 г. в издательстве «Детская литература» вышла книга Р. Подольного «Пути народов». Автор ее, уже обращавшийся ранее к этнографической и антропологической тематике (см. «Предки и мы», М., 1966), посвятил данную книгу центральным проблемам этнографической науки, связанным с происхождением и этнической историей народов мира. В нашей литературе сравнительно мало популярных книг по этнографии, поэтому такое намерение автора можно лишь приветствовать. Следует сразу же сказать, что Р. Подольному в целом удалось преодолеть стоявшие перед ним большие трудности и создать содержательную книгу. Ее с интересом прочтут не только школьники-старшеклассники, на которых она прежде всего рассчитана, но и широкие круги взрослых читателей, интересующихся вопросом о том, «как рождаются, живут и не умирают народы» и не очень охотно обращающихся к кажущимся им «скучными» научным работам.

Естественно, что в популярной книге по столь серьезной проблематике, включающей и многие, до сих пор еще не вполне решенные вопросы, трудно было охватить поистине необъятную тему и осветить все ее стороны с одинаковой тщательностью. Бросаются в глаза, например, повышенное внимание автора к средним векам и особенно к истории кочевых народов (аваров, половцев и др.) и недостаточное внимание к этническим проблемам новой и новейшей истории, в частности к истории крупных народов СССР; подчас недостаточно четкое разграничение этнических и расовых общностей и т. п. Есть в книге и некоторые более мелкие недостатки, связанные главным образом, с типичными для популярной литературы попытками упростить ту или иную сложную в научном отношении проблему, выставить на первый план не то, что более важно, а то, что более «интересно» и т. д. Учитывая большое научное и познавательное значение затронутых в книге вопросов, она безусловно заслуживала подробного объективного разбора, который помог бы ее читателям понять общие закономерности этнической истории и факторы, их определяющие.

К сожалению, А. Кузьмин в своей рецензии не счел нужным хотя бы бегло изложить содержание книги Р. Подольного, назвать хотя бы основные ее разделы. Ограничившись фразой о том, что книгу с интересом прочтут «все интересующиеся историей», и похвалив автора за то, что тот «подчеркивает единство человеческого рода, противопоставляя эту идею любым возможным расистским построениям, далеко еще не изжитым в современном мире», А. Кузьмин затем переходит к пространной, мягко говоря, далеко не всегда обоснованной критике отдельных положений книги. Так как этой критике предпослана фраза о том, что книга Р. Подольного «во многих разделах является популяризацией работ сотрудников Института этнографии АН СССР», то критика в какой-то мере оказывается обращенной и в адрес большого коллектива советских этнографов.

Начиная свою рецензию, А. Кузьмин замечает, что от автора книги «Пути народов» требовалась «большая эрудиция, знание данных разных наук, понимание конкретной и общей методологии познания». Мне представляется, что от рецензента на такую многоплановую книгу требуются те же качества в не меньшей степени. К сожалению, текст рецензии показывает, что А. Кузьмин этими качествами не вполне обладает. С этнографической конкретикой он, видимо, недостаточно знаком, в противном случае не стал бы, например, непосредственно связывать судьбу шотландцев и бретонцев с проблемой сохранения у них остатков кельтских языков; остатки кельтоязычного населения горной Шотландии вообще часто показываются на этнических картах отдельно от шотландцев в качестве особого этноса — «гэлов». Впрочем, основной пафос рецензии А. Кузьмина не в конкретных, а в общих замечаниях, имеющих, по его словам, «методологическое» значение. Большинство из них связано с самим понятием народа или этноса, которое, в формулировках Р. Подольного и в приводимых им цитатах из работ других ученых, является, по мнению А. Кузьмина, явным отступлением от принятых оценок и «субъек-

* А. Кузьмин, Куда же идут народы? «Молодая гвардия», 1976, № 6.

тивным». Р. Подольный,— пишет он,— не учитывает ни последней дискуссии (имеется в виду дискуссия по вопросам теории нации, проходившая в 1966—1968 гг. в журнале «Вопросы истории».— В. К.), ни ленинских работ, в которых обсуждались проблемы теории национальных отношений, а вывод делает определенный: ни территория, ни язык не обязательны для единого народа» (стр. 309).

Проблема определения «народ», точнее говоря — «этнос», не только очень важна, но и очень сложна. По некоторым частным аспектам ее продолжается дискуссия, поэтому можно считать естественным, что в ней не вполне разобрался не только Р. Подольный, но и сам А. Кузьмин, отождествляющий понятие «народ» с понятием «нация». Уместно напомнить, что эти понятия далеко не тождественны (чукчи и эскимосы, например, являются народами, но не являются нациями), и что вместе с тем само слово «народ» многозначно. Что же касается упомянутой дискуссии, то в итоговой статье, опубликованной спустя два года после ее завершения, не был, к сожалению, учтен тот факт, что многие участники высказались за включение в определение понятия нации признака самосознания, который ныне включается в понятие «народ» («этнос»). Между тем, чтобы убедиться в реальности и непереносимости этого признака, достаточно попытаться найти нацию (или другую этническую общность), не обладающую самоназванием (этнонимом). Известно, однако, что таких наций (или народов, если это слово употребляется в этническом значении) не бывает. Но ведь самоназвание не что иное, как «внешнее» выражение этнического самосознания. Иначе говоря, если есть этническое самоназвание, то несомненно существование и этнического самосознания. Показательно, что при проведении переписей в качестве единственного признака национальной принадлежности употребляется самосознание, выраженное в самоназвании.

В современной науке термин «народ», или точнее говоря «этнос», употребляется в двух значениях — в широком и узком («этносоциальный организм» и «этникос» по терминологии, предложенной Ю. В. Бромлеем). В значении ЭСО (этносоциального организма) он включает в себя понятие «нация», в значении «этникос» он близок к термину «национальность». Группы украинцев, живущих, например, в Канаде, не входят в украинскую социалистическую нацию, но они не перестают быть от этого украинцами по национальности в широком смысле. Короче говоря, понятие ЭСО непременно включает общность территории, понятие «этникос» может и не включать (см. Ю. В. Бромлей, Этнос и этнография, М., 1973, стр. 39).

Действительно, Р. Подольный (вероятно, ради «простоты») обошел молчанием существование этих двух значений термина «этнос», поэтому некоторые приведенные им формулировки определения этноса предстали перед читателем как не связанные между собой точки зрения отдельных ученых. Кстати сказать, неправомерно включение им в число народов, существующих без общности территории, евреев (стр. 35 книги): в советской этнографической науке не раз отмечалось, что евреи, живущие в различных странах мира, не составляют единого народа (см., например, В. И. Козлов, Динамика численности народов, М., 1969, стр. 55—56).

К сожалению, А. Кузьмин своей рецензией не только не помогает читателям понять сущность этноса, но и дезориентирует их. Р. Подольный отнюдь не игнорирует ленинские работы, имеющие отношение к нации: например, рассматривая процесс формирования наций, он приводит одно из основных теоретических высказываний В. И. Ленина о связи языка, территории, экономики и государственности (стр. 55 книги). Говоря об основных чертах или признаках народа, он первыми среди них называет «общий язык и общую территорию» (стр. 33), а на следующей странице, приведя некоторые исключения из правила, вновь подчеркивает, что «...язык — основной признак народа, по мнению тех самых ученых, которые скрупулезно учитывают все исключения и странности, подобные только что перечисленным». Далее снова: «И все-таки, вероятно, можно сейчас соглашаться с теми историками или этнографами, которые считают, что народ (или народность) возникает, когда люди, говорящие на одном языке и занимающие единую территорию, начинают сознавать свое единство» (стр. 52). Нужно читать книгу уж очень предвзято, чтобы не заметить таких мест, опровергающих обвинения, выдвинутые против нее А. Кузьминым.

Кроме понятия «народ», рецензент останавливается также и на некоторых других принципиальных вопросах. Так, он рассматривает вопрос о сущности перехода от племени к народности. «В марксистской литературе,— пишет он,— сформулиро-

ваны некоторые положения в связи с этой проблемой. Переход от племенного строя к народности происходит в условиях разложения родового строя, замены кровнородственных отношений территориальными и социальными» (стр. 310). Первое из этих положений, разумеется, правильно, второе вызывает недоумение. Разве родовой строй — это, как показали уже основоположники научного коммунизма, высшее воплощение и выражение первобытнообщинной социально-экономической формации — был биологической, а не социальной организацией? Разве переход от биологического к социальному совершился не вместе с возникновением человечества, а только с образованием народностей классового общества?

И, наконец, совсем уже трудно понять А. Кузьмина, когда он пытается приписать автору рецензируемой книги «серьезную ошибку на методологическом уровне» там, где говорится о важности эндогамии для процесса возникновения и развития народов. С одной стороны, рецензент сам полагает, что «эндогамия действительно имеет определенное значение для устойчивости этноса» (стр. 310), с другой — утверждает, что «взгляд на эндогамию как на важный принцип стабильности вместе с тезисом о том, что нация — это высший тип этнической общности, объективно ведет к отчуждению народов друг от друга» (там же). В чем же собственно заключается «ошибка на методологическом уровне»? В признании за эндогамией «важной», а не «определенной» роли в этногенезе? Но тогда перед нами попросту игра в слова. Между тем — и это главное — эндогамия этносов, в том числе и таких этносоциальных общностей как нации, члены которых предпочитают вступать в браки с мужчинами или женщинами той же национальности, представляет собой объективную реальность. Правда, уже были попытки отрицать относительную эндогамность этнических общностей, однако специальная научная дискуссия, проходившая по этому вопросу в Институте этнографии АН СССР несколько лет тому назад, убедительно показала несостоятельность подобных попыток (см: «Советская этнография», 1970, № 3). Совершенно очевидно, что констатация данного факта (как и любой другой объективно существующей черты этноса, например, языка) никак сама по себе не может вести к отчуждению народов; Р. Подольный не раз отмечает случаи массовых межрасовых и межетнических браков (стр. 29—31 и др.). К этому остается добавить, что в книге Р. Подольного вопрос об эндогамии отнюдь не является предметом специального рассмотрения (как это можно было бы заключить на основании рецензии): об эндогамии автор упоминает лишь в небольшом абзаце (стр. 37); еще более показательно, что тезис о роли эндогамии в стабильности этноса, который пытается критиковать рецензент, вообще отсутствует в книге Р. Подольного.

Поневоле создается впечатление, что А. Кузьмин хотел во что бы то ни стало найти в рецензируемой книге методологические ошибки. И так как он хотел сделать это во что бы то ни стало, неудивительно, что он сам допустил в своей рецензии и несомненные методологические огрехи, и прямые передержки. Помимо отмеченных выше, весьма показательно в этом отношении то место, где он упрекает Р. Подольного в преувеличении роли субъективного фактора в истории и даже в «идеализме». В подтверждение этого приводится цитата, связывающая возникновение в VII в. н. э. в Аравии ислама и арабского государства с личностью Мухаммеда. Однако в книге говорится не только о субъективных, но и об объективных факторах истории. «Конечно,— пишет Р. Подольный,— кроме религиозной экзальтации и высокого пафоса гениального поэта Мухаммеда, для рождения ислама нашлось немало других причин, значительно более скучных, серьезных и важных» (разрядка моя.— В. К.). Среди этих причин автор называет, например, необходимость охраны торговых путей от разбойников (т. е. укрепление торгово-экономических связей между различными областями Аравии). Умолчав об этих аргументах автора книги (стр. 97—98), А. Кузьмин искажил его мысль.

Отмечу в заключение, что обвинять авторов популярных книг в различных ошибках вообще говоря довольно легко, так как они почти всегда заостряют внимание читателя либо на одной, либо на другой представляющейся им особенно интересной стороне явления. При особом желании почти всегда можно выхватить из текста отдельную фразу или отдельное частное определение и, представив его как «основополагающее», тем самым посеять в умах читателей недоверие ко всей книге. Но во имя чего этим занялся доктор исторических наук А. Кузьмин, сказать трудно, тем

более, что на поставленный им в заглавии рецензии вопрос — «Куда же идут народы?» — он так и не смог ответить.

Что касается самой книги Р. Подольного, то, в целом присоединяясь к положительной ее оценке в «Комсомольской правде» (17 января 1976 г.), полагаю, что желательно после устранения некоторых неточностей и упрощений опубликовать ее вторым изданием. В таких популярных книгах весьма нуждается подрастающее поколение.

В. И. Козлов